

23. Rice C. Opening Remarks by Secretary of State-Designate Dr. Condoleezza Rice // U. S. Department of State [Electronic resource]. URL: <http://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2005/40991.htm> (date of access: 11.09.2015).

24. Bush G. W. President Sworn-In to Second Term // The White House [Electronic resource]. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/01/20050120-1.html> (date of access: 11.09.2015).

25. Выступление Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-v-obschej-diskussii-70-j-sessii-generalnoj-assamblei-oon-12219/ (дата обращения: 28.09.2015).

26. Выступление Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на Саммите ООН по устойчивому развитию // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-na-sammite-oon-po-ustojchivomu-razvitiju-12188/ (дата обращения: 27.09.2015).

Поступила в редакцию 25.07.2015.

УДК 316.1/316.7

В. Л. АБУШЕНКО,

КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: ПРЕДМЕТНАЯ РАМКА

Рассматриваются специфика и эволюция изучения проблематики культуры в социологии. Показаны различия социологии культуры и культурсоциологии. Социология культуры трактуется как специальная социологическая теория и особая субдисциплинарность. Культурсоциология анализируется как метатеоретический уровень социологического исследования. Социальная реальность переинтерпретируется как социокультурная реальность, рассматривается ее взаимодействие со знаково-символической реальностью. Сопоставляются стабилизационная и инновационная составляющие культуры. Определен предмет культурсоциологии.

Ключевые слова: социология; социология культуры; культурсоциология; социальная реальность; социокультурная реальность; знаково-символическая реальность; стабилизационная и инновационная составляющие культуры; предмет культурсоциологии.

The specificity and evolution of learning the problems of culture in sociology are considered. Some differences between sociology of culture and cultural sociology are pointed out. Sociology of culture is understood as both a special sociological theory and special sub-disciplinary. Kultursoziologie is seen as a meta-theoretical level of sociological research. Social reality is reinterpreted as a socio-cultural reality; its interaction with the semantic-symbolic reality is considered. A stabilization and innovative components of culture are compared. The subject of Kultursoziologie is identified.

Key words: sociology; sociology of culture; cultural sociology; social reality; social and cultural reality; semantic-symbolic reality; stabilization and innovative components of culture; subject of Kultursoziologie.

Введение

Сложность современной социокультурной жизни, противоречивость происходящих процессов, порождаемые ими разноуровневые и многофакторные конфликты, нестандартность ситуаций, в которые попадают субъекты культурной жизни, задают многообразие их концептуальных осмыслений, необходимость видеть современные тенденции в общей социокультурной перспективе не только отдельных цивилизаций и культур, но и человечества в целом. Все эти проблемы являются **предметом** философской рефлексии, конкретных социогуманитарных описаний и исследований, однако далеко не последнее слово в их изучении может и должно принадлежать культурсоциологии – трансдисциплинарной области знания, активно формирующейся на новых теоретико-методологических позициях и обладающей значительным эвристическим потенциалом.

Понятие «культура» является одним из самых **многозначных** в социальном и гуманитарном знании. Однако, несмотря на свою многозначность, оно претендует на роль эффективного концепта в целом комплексе дисциплин современного знания, на роль инструмента конфигурирования разнотрансдисциплинарных перспектив, позволяющего собрать воедино различные исследовательские наработки. Помещая культуру в отношения с понятиями социума (общества) и индивида (личности), можно **сконфигурировать** различные предметные области, получив таким образом

дисциплинарно различные перспективы их исследования (антропологию, культурологию, социологию, философию).

Это соотношение задает предельную рамку для помещаемых в нее тем и проблем соответствующей дисциплинарности, способов их постановки и решения и тем самым определяет специфику предметного среза той или иной науки. При этом понятно, что культурологические дисциплины делают акцент на концепте «культура», антропологические – на концепте «личность», классическая социология – на концепте «социум» (общество), на понимании сути социального в разных типах социальных систем (политологи фокусируются на политических понятиях, экономисты – на выяснении сути экономических отношений и т. д.). Это акцентирование и соответствующий ему набор тем и проблем сказываются и на понимании других основополагающих концептов. Так, например, акцент на изучении концепта «общество» порождает разные модели, соотносимые с концептом «личность»: в социальном знании говорят о моделях «человек экономический», «человек социологический», «человек политический» и др.

В ряду социальных и гуманитарных дисциплин, претендующих на целостное осмысление и исследование культуры и ее феноменов, социологии никогда не принадлежала доминирующая позиция. Более того, над ней по-прежнему нависает опасность обвинений в вульгарном социологизме, как только она пытается обратиться к проблематике культуры. Снять этот негативизм, блокирующий продуктивное трансдисциплинарное обсуждение обозначенной тематики, непросто. Один из шагов к ее решению видится в постановке и критическом обсуждении вопроса о самой специфике социологического видения культуры, вскрытии или хотя бы обозначении тех возможностей и налагаемых ограничений, которые следуют из методологических и эпистемологических оснований социологии. В свою очередь, изучение культуры и ее феноменов оказывается репрезентативным для понимания сути социологии как научной дисциплины, реконструкции этапов ее реализации и понимания ее места в социогуманитарном знании.

Социолог, занимающийся проблематикой культуры, неизбежно сталкивается с целым рядом не получивших однозначного решения методологических, теоретических и практических проблем. Большинство из них так или иначе связаны с определением **проблемно-тематического поля** соответствующей социологической дисциплинарности (заданием ее предметности) и со статусом и притязаниями соответствующей **дисциплины** внутри социального знания. Предметная и дисциплинарная плоскости в рамках социологического анализа культуры тесно взаимосвязаны: решения в одной из них влекут логические следствия для другой. В данной работе стоит цель описать предметность социологического анализа культуры, отвлекаясь (по возможности) от неизбежно возникающих контекстов дисциплинарного (эпистемологического) статуса такого анализа.

Социология культуры и культурсоциология

В данном аспекте рассмотрения стоит отметить, что в социологической науке присутствуют *две существенно разнящиеся тенденции в понимании исследовательских интенций социологии в области культуры*. Одна из них базируется на представлениях о специальной социологической теории и возникающей на ее основе соответствующей субдисциплинарности (отрасли социологического знания) и традиционно называется *социологией культуры*. Вторая, *культурсоциология*, позиционирует себя как специфическую парадигмальную область социологического знания [1]. Термин «культурсоциология» (как калька с нем. *kultursoziologie*), с одной стороны, позволяет указать на традицию, в рамках которой впервые была предпринята попытка такой постановки вопроса, а с другой – отличить эту традицию от принятого в русскоязычном дисциплинарном пространстве употребления термина «социология культуры», репрезентирующего принципиально иное понимание социологического дискурса о культуре.

В обоих случаях речь идет об исследовании культуры, ее явлений и динамики концептуальными и методологическими средствами социологии с целью установления зависимости между ними и социумом, его феноменами и динамикой. Однако при всей общности интенций социология культуры и культурсоциология представляют собой две принципиально различные версии социологического подхода к изучению

культуры. Если в первом случае предпринимается попытка описания и анализа культуры согласно *теории среднего уровня* – в аспекте включенности культурной компоненты в социальную жизнь общества и его подсистем и/или в аспекте выявления специфической области (сферы) культуры (духовной жизни) как в институциональном, так и в поведенческом срезе, то во втором случае речь идет об изучении культуры социологическими средствами на метатеоретическом уровне анализа.

Тем самым культурсоциология претендует на статус *фундаментального знания об обществе*, в котором социальное начинает восприниматься, трактоваться и интерпретироваться в терминах культурного. Следовательно, не столько культура объясняется через реалии социума (что характерно для версии социологии культуры), сколько социум понимается через реалии культуры. Крайнюю редукционистскую концептуализацию данного тезиса в социологической литературе определяют как культурный детерминизм (или культуроцентризм).

Возможность этого исследовательского видения задается самим объемом понятия «культура», не вписывающимся в жесткие предметные рамки социологии или иной частной социогуманитарной дисциплины. Оно оказывается столь всеобъемлющим (тотальным), а границы его – столь размытыми, что *в терминах культуры, как и в терминах социума (социальной системы), можно описывать любые проявления общественной жизни*. Как результат – варьирование предлагаемых определений от дисциплины к дисциплине, различие трактовок в разных исследовательских методологиях и парадигмах, а также на разных этапах развития самой научной дисциплины (например, понимание подлежащего анализу содержания культуры и сами срезы этого анализа существенно различаются в классической и современной социологии).

Установки культурсоциологии находятся в очевидном значительном противоречии с исходными установками классической и неоклассической социологии и конституирующим ее принципом **социологизма** – объяснять социальное социальным. Действительно, социология не ставила культуру и ее феномены предметом своего анализа и специального интереса. Однако это верно лишь отчасти. Ведь само социальное культурно. Это две стороны одной медали. Неслучайно в неклассической социологии получили широкое распространение содержательно осмысленные термины: «социокультурная реальность», «социокультурные феномены», «социокультурная динамика» и т. д. Социальное культурно оформлено, нормировано, осмыслено, несет в себе ценностные, символические и иные составляющие. Оно непонимаемо и необъяснимо (во всяком случае адекватно) без учета своей культурной составляющей. Поэтому обозначенное выше противоречие мнимо – достаточно вспомнить трактовку социального факта Э. Дюркгеймом, анализ ценностных оснований современного общества М. Вебером или ответ Г. Зиммеля на им же сформулированный вопрос о том, как возможно общество.

Тем не менее представляется необходимым и возможным установить некоторые предельные концептуальные координаты видения культуры, позволяющие задать ее предметное рассмотрение без критической потери многомерного смыслового потенциала феномена культуры. Основное внимание следует уделить различению и соотношению социальной и знаковой ипостасей (реальностей) культуры. При этом термин «социальное» следует (согласно П. Сорокину) переинтерпретировать в «социокультурное».

Характеристика социокультурной реальности

Социокультурная реальность – это реальность актуальной жизнедеятельности живущих поколений. Это социальное, оформленное и опосредуемое культурным. Социальное и культурное – это две стороны одной медали. Одно без другого просто невозможно. Поэтому даже если мы не ставим задачу специально исследовать культурные феномены, неизбежно имеем с ними дело, когда культурные параметры задают качественные и интегральные характеристики любой человеческой активности. Именно эта реальность и выступала основным предметом анализа в классической социологии, является таковой и в социологии современной. К тому же среди большого набора деятельностей и практик в современных сложных обществах можно выделять те, в которых люди прежде всего имеют дело с культурными смыслами-содержаниями (культурными образцами), с их трансляцией и изменением.

Именно они, как правило, «схватываются» на уровне обыденного сознания как область культуры. Речь идет прежде всего о сфере искусства и художественной деятельности в целом, образовательных и познавательных практиках (наука и образование), религии, некоторых досуговых видах деятельности.

С теоретической, исследовательской точки зрения такая **локализация культуры** вряд ли оправдана: если последовательно довести ее до предела, а тем самым и до абсурда, то получится, что сфера культуры – это сфера, на которую распространяется компетенция соответствующего министерства культуры. Поэтому для культуросоциологии предметом анализа является, по сути, вся социокультурная реальность. Иное дело – возможен ли ее целостный анализ. Во всяком случае в социологии и ее специальных теориях вполне оправданны и имеют конкретное содержание такие понятия, как «культура труда», «культура производства», «политическая культура», «культура семейной жизни», «культура быта», «культура поведения», «культура мышления» и т. д. Общее у них одно – попытка выделить и специально рассмотреть культурные составляющие соответствующих явлений и процессов.

Однако для понимания **сути культуры** такого теоретического умения – выделять в целостных социальных комплексах культурные составляющие – явно недостаточно. Трудно не заметить, что они и в реальных практиках любого общества обладают известной автономностью, отделимы от конкретных ситуаций социальных действий и взаимодействий. Это связано с тем, что **смыслы**, заключенные в том или ином культурном континууме, для своего проявления (означивания и объективации) требуют **знаково-символического выражения** (в развитых культурах зафиксированного в текстах). Речь идет прежде всего об их «схватывании» средствами определенного языка, в котором эти смыслы так или иначе проговариваются, который требует оформления в соответствующих дискурсивных и коммуникативных практиках. Последние всегда автономны от других практик социума, хотя и тесно связаны с ними, а язык «вплетен» в любую из социальных практик как неотъемлемый атрибут. В этом аспекте, заметим, вполне правомерно говорить и о языковой культуре, культуре общения.

Под **языком** в этом контексте следует понимать не только разговорный или письменный национальный (литературный) язык, но и любые принятые в культуре знаково-символические системы, способные связно передавать смыслы-содержания различного характера из культурного континуума (как и порождать новые) и продуцировать соответствующие тексты. В этом контексте мы говорим о языках искусства, науки и т. д. Более того, можно «прочитать» и оформить в виде текста любое понимаемое действие человека, его жесты и мимику (язык тела, язык этикета). Но точно так же мы «читаем» и любой предмет, с которым имеет дело человек, не говоря уже о произведенных им продуктах. При наличии соответствующих смыслов-содержаний (и процедур, разумеется) предмету можно дать имя и определение, указать технологию его изготовления, раскрыть воплощенную в нем идею и т. д. Однако необходимо учитывать то обстоятельство, что любой текст культуры есть продукт человеческой активности, социальных практик.

С появлением письменности смыслы-содержания культуры получили возможность не только приобретать автономность от конкретных ситуаций социального взаимодействия, но и оформляться в рамках особой **текстовой реальности** культуры. Оформленность в текстах принципиально изменила технологии закрепления, сохранения и трансляции культурных смыслов-содержаний внутри культур и между ними, что позволило снять **ментальные ограничения** на объем и характер передаваемой информации. Стало возможным хранить не только то, что непосредственно было необходимо для поддержания общественной жизни, но и то, что вряд ли могло быть востребовано даже в отдаленной перспективе. Социальные акторы стали иметь дело с принципиально избыточным и вариативным, например для организации конкретного взаимодействия с количеством и объемом содержаний (информации, знаний). Это, в свою очередь, с неизбежностью вело к нарастанию рефлексивности социальных действий, возможности их различных интерпретаций, необходимости постоянно задействовать механизмы и процедуры выбора, повышало ответственность за любое действие, обязывало просчитывать его отдаленные последствия. Фактически текстовая (**знаково-символическая**) ипостась культуры в историческом развитии обществ все больше стала брать на себя моделирующие нагрузки

по отношению к ипостаси социокультурной, а следовательно, и по отношению к любым практикам общества, особенно тем, которые распознаются в современной социальной теории как информационные или характеризующие общество знания.

Следует отметить, что социология, фокусируясь на изучении социокультурной реальности, длительное время практически **игнорировала знаково-символическую ипостась** культуры, считая ее предметом изучения дисциплин культурологического цикла. В свою очередь, постмодернистская социология, сделав акцент на знаковой (текстовой) ипостаси культуры, стала говорить о социокультурной реальности как о квазизнаковой. Представляется, что в современном социальном познании это две крайние редукционистские позиции, игнорирующие основную проблему – относительной автономии и взаимодействия этих реальностей и изучения **механизмов «миграции» смыслов-содержаний из одной реальности в другую и обратно**.

Еще одно важное обстоятельство для понимания как сути культуры, так и специфики ее социологического видения касается укорененности базовых смыслов-содержаний культуры в ментальном пространстве – в архетипах коллективного бессознательного (в терминологии К. Г. Юнга). В социальном знании XX в. было отрефлексировано то обстоятельство, что не осознаваемые на уровне социальных взаимодействий акторов глубинные структуры отношений и определяют, собственно, суть социокультурной действительности, репрезентируемой через знаково-языковые и знаниевые средства.

Начала культуры: традиция и инновация

Несмотря на относительную автономию социальной и знаковой ипостасей, характерной чертой культуры является ее **искусственный**, рукотворный характер. Культура является и предметом, и средством воспроизводства человека, человеческого как такового, она принципиально человекомерна и человекоразмерна [2]. Неизбежным условием этого воспроизводства являются непрерывная трансляция, сохранение и передача опыта в условиях, для поддержания которых в том или ином модусе человек прилагает непосредственные усилия. Воспроизводство культуры ориентировано не столько на передачу материальных артефактов, сколько на передачу способов устойчивого или инновационного воспроизводства **духовных умений** (реализованных в образцах поведения) по созданию и совершенствованию всей среды существования человека.

Обобщая, можно сформулировать: **культура** – это предельный континуум смыслов, находящийся в распоряжении определенного социального сообщества, им поддерживаемый, используемый и изменяемый. Соответственно, смысловой континуум культуры (включая заимствования из других культур) задает пределы и ставит **«ограничители»** для всех форм человеческой активности в обществе, только **соединение** социального и культурного в нерасторжимое единство делает возможной саму социальную жизнь.

При этом возникает важная оппозиция: сделанное (подлежащее закреплению, сохранению и трансляции другим акторам и новым поколениям людей) – делаемое (новое, то, что потенциально может закрепиться для последующего сохранения и трансляции в культуре, изменяя сложившийся на данный момент континуум культурных смыслов). Иначе говоря, речь идет о соотношении в рамках любой культуры **двух противоположных начал** (и соответствующих функциональных нагрузок) – **творческого, креативного, инновационного**, с одной стороны, и **стабилизационного** (в чем-то «охранительного»), обеспечивающего определенную меру неизменности культуры, ее самотождественность и динамическое равновесие, с другой. Часто эту оппозицию фиксируют как противостояние традиционного и инновационного начал в культуре, однако следует помнить, что оно присуще культурам как традиционных, так и современных обществ, различия касаются «удельного веса» каждой из компонент в общественной жизни.

На индивидуальном уровне эта проблема может быть представлена и как вопрос о соотношении **типичного** (общего с другими членами группы, общности, институции, социума в целом) и **индивидуального** в структуре личности. В любом случае культура не только **развивает** человека, способствует проявлению его индивидуальности, но и **принуждает** его к определенному типу действий, **унифицирует** (но тем самым и **универсализирует**, т. е. развивает) по определенным, важным

в данном типе социальности, параметрам. Несмотря на свою автономность и в какой-то мере неустранимую инертность, культурный континуум смыслов является открытым для индивидуальных инноваций (смысловых вставок). Однако их выход в социальное измерение (укоренение в повседневных социальных практиках), а следовательно, приобретение ими статуса социокультурной реальности, не является гарантированным, представляя собой сложный и длительный социокультурный процесс, допустимая глубина и интенсивность которого принципиально различны в традиционных и современных обществах.

Социология, как научная дисциплина (во всяком случае как классическая социология), фокусируется прежде всего на проблематике создания, поддержания и изменения **социального порядка** (социальных порядков), т. е. *на анализе тех параметров общественной жизни, которые делают возможным ее саму, позволяют достигать взаимопонимания и согласованности, кооперирования социальных действий и комплексов социальных функций, выполнение которых рассредоточено по различным социальным группам, институциям и организациям*. Соответственно, в фокус ее внимания попадает и соответствующее **начало культуры** – ее способность упорядочивать (**регулировать**) социальные практики. При этом, разумеется, надо учитывать, что культура не может действовать сама по себе как независимая от социальных акторов сила – действуют люди, включенные в социальные группы, институции и организации, т. е. социализированные в данном обществе, и прежде всего за счет усвоенных культурных содержаний (смыслов) и умения ими оперировать.

Вместе с тем современная социология и ее субдисциплины все больше внимания начинают уделять **креативному** началу культуры. Темпы социальных изменений, интенсификация и глобализация ресурсных потоков (включая информационные) и обменов между отдельными обществами (и, соответственно, культурами) заставляют уделять самое пристальное внимание **инновационному потенциалу каждой конкретной культуры, позволяющему или не позволяющему тому или иному обществу оставаться или становиться современным**. Однако и в этом случае социологию интересуют прежде всего **механизмы социализации инноваций** (создаваемых или заимствуемых смыслов-содержаний), их внедрения в социальную жизнь и хабиутализации (опривычивания) в повседневных социальных практиках.

Субъектность культуры

Человеческий мир – это всегда мир культуры. И наоборот, мир культуры (в любых его измерениях: **социокультурном и знаково-символическом, креативном и стабилизационном**) – это всегда мир человека. Мир человека и культуры – это по преимуществу мир сделанного, «объискусствленного», он вне- и надприроден. Это всегда чей-то мир: вне отношений в человеческих сообществах его не существует. Это всегда мир потенциально доступных (означенных, объективированных) смыслов-содержаний, которыми обладает и с которыми (в рамках которых) «работает» человеческое сообщество. Этот мир изменчиво стабилен: в разных обществах, практиках, видах деятельности, на разных этапах исторического развития акценты расставляются по-разному. Тем самым любой социальный актор – от индивида до социума в целом (в любых деятельностно-коммуникационных и институционально-организационных оформлениях) – всегда тотально находится в мире значимостей (значимых смыслов), символов, текстов, артефактов культуры. Культура является комплексом механизмов и средств воспроизводства человека, человеческого как такового.

Культура принципиально **субъектна**: она принадлежит индивиду, группе, общности, этносу, нации и т. д. Она всегда соотносится с исторической перспективой формирования человеческих сообществ, всегда предполагает собственную легитимизацию субъектами именно как культура. Только внутри самой культуры в исторических практиках субъектов устанавливается (легитимируется), например, что относится к сфере сакрального, а что является профанным, как и то, где проходит граница между ними, что считать знанием (научным знанием), а что не считать, что приемлемо в повседневном поведении, а что подлежит репрессированию как противоестественное и т. д. В этом контексте культура – весьма специфическое человеческое «изобретение». С одной стороны, можно говорить об условности многих культурных позиций – например, даже в типологически схожих бытовых ситуациях

в различных культурах принято вести себя по-разному (вплоть до противоположных схем поведения). С другой стороны, в той или иной культуре ведут себя в соответствии с тем, как это принято в данной ситуации. Таким образом, при всех обнаруживаемых условностях агенты социокультурной активности сталкиваются с необходимостью их соблюдения как критерия своей адекватности, успешности.

Для реализации задачи воспроизводства культуры как одновременно устойчивой и вариативной способности вести социальную жизнь культурные образцы должны опираться на устойчивые **надындивидуальные** основания. Значения и смыслы являются носителями, в которых социум фиксирует базовые, предельные и производные технологии сосуществования индивидов, групп и общностей самого разного масштаба. Благодаря этому культура гарантирует общеразделяемое пространство смыслов, знаний и умений, необходимых для сохранения нормы вариативности и адекватности поведения всех действующих лиц внутри социума.

Культура является в такой же мере творимой, как и творящей социальное поведение и действие. Культура – это одновременно динамичная и стабильная система. Культурные смыслы связаны с выражением («схватыванием») интенциональной природы сознания, его постоянной направленности на объект. Выражение «плана идеального», интенциональность и есть, собственно, фундаментальная первичная смыслообразующая устремленность сознания, открывающая непосредственный доступ к миру. Интенциональность связана с полаганием не только объектов и предметов мысли (как осмысленных), но и с полаганием пространств, в которых эти предметы и объекты существуют (могут существовать), т. е. интересубъективных, социально организованных пространств социальных взаимодействий и коммуникации, возможных в рамках определенных правил. Производимые смыслы, квантифицируя «план идеального», приобретают определенный спектр значений (значимых различий), выразимых и закрепляемых языками в создаваемых текстах культуры и формирующих аксиологические (ценностно нагруженные) пространства (поля) взаимодействия и коммуникации человеческого мира. В этих пространствах при непосредственном участии языков и текстов на основе приобретаемого социокультурного опыта происходит формирование (вычленение, фиксация, трансляция) инвариантных (для определенного сообщества, социума в целом) содержаний, позволяющих обеспечивать релевантность систем используемых значений, а также стоящих за ними смыслов в конкретных актах взаимодействия и коммуникации во всем спектре варьирующихся социокультурных контекстов и ситуаций.

Благодаря «схватыванию» в языке (языках), обмену осмысленными содержаниями субъект (актор) получает возможность **консолидироваться** с другими участниками социокультурных практик, отвечать на их социальные ожидания и совместно с ними корректировать и направлять усилия в единое русло. Таким образом, усваивая культуру, человек перестает в некотором смысле быть естественным, природным существом – он обречен быть существом социальным (и культурным, разумеется).

Любая культурная система (целостность) стремится укрепить свою **стабильность** и продлить свое существование, т. е. обеспечить преемственность происходящих в ней постоянных изменений через удержание собственных проработанных содержаний (своей отличности, специфичности) и интеграцию в себя (или отторжение) новых содержаний, проникающих в ходе межкультурных контактов и взаимодействий. В этом отношении можно говорить об открытости (закрытости и изолированности) и динамичности (статичности и консервативности) каждой конкретной культурной целостности, ее степени включенности в межкультурные взаимодействия и глобальные социокультурные процессы. Отдельная проблема – сохранение и развитие собственной аутентичности и выбор векторов культурного развития, а следовательно, и приоритетов в культурной политике. Хотя мы и говорим, с известным на то основанием, о двух ипостасях существования культуры, можно сделать вывод о том, что она – живая, функционирующая и развивающаяся – всегда тяготеет к сохранению своей целостности, что возможно только благодаря усилиям поколений людей, сохраняющих преемственность. Любые серьезные рассогласования внутри этой целостности – свидетельство кризисных явлений в культуре.

Для обозначения таких целостных культурных комплексов Ф. Тенбрук [3] ввел представление о репрезентативной культуре (*repräsentative kultur*), т. е. о культуре,

производящей идеи, ценности, значения (смыслы), которые действительны для существующего социального сообщества в силу их фактического (активного или пассивного) признания, что и конституирует эти сообщества (социум является в культуре). Отсюда задача культурсоциологии – установление и истолкование (интерпретация) целостных смысловых комплексов репрезентативной культуры. Идея репрезентативной культуры как очерчивающей поля предметности культурсоциологических курсов в русскоязычной традиции была активно поддержана и развита в работах Л. Г. Иониной. Он отмечает: «Репрезентативная культура репрезентирует, представляет в сознании членов общества все и любые факты, которые что-либо означают для действующих индивидов. И означают они для них именно то и только то, что дано в культурной репрезентации. Только это существует для членов общества и только в этом, то есть в культурной репрезентации, и существует общество» [4, с. 49–50]. Далее он подчеркивает, что при этом не возникает необходимости противопоставлять культуру и общество. Культурное видение и социальное видение – это два разных аспекта видения одного и того же феномена. В любом эмпирическом явлении социальной жизни невозможно отделить социальную часть от культурной части, здесь налицо, как выразился Ф. Тенбрук, «бесшовное соединение» [4, с. 50].

Предмет культурсоциологии

Таким образом, представляется обоснованным тезис о том, что именно культурсоциология обладает наиболее релевантной предметной «оптикой» исследования культуры в целом и социокультурной реальности в частности. В культурсоциологии культура выступает не столько как в той или иной мере выраженная доминанта социальности (что свойственно культурному детерминизму в его жестких или мягких версиях), сколько как наиболее **общая рамка** значений (объективированных смыслов), как контекст достаточно автономных социальных процессов и взаимодействий для всех социальных групп и акторов, входящих в определенное социокультурное пространство и в разной мере участвующих в стабилизационных и инновационных социокультурных практиках.

Культурсоциологи стремятся обосновать тезис о том, что социальность всегда культурно оформлена и связана с совмещением различных форм воспроизводства опыта (знания). **Социальность** может трактоваться как исторически различные способы фрагментации и интеграции определенного массива культурных смыслов (знания) и практической деятельности, минимально необходимого для поддержания дееспособности и, при наличии такой установки, развития данного общества. В таком случае **предметом** культурсоциологии выступает **социокультурная реальность** (в обозначенных выше ее структурных и динамических свойствах), исследуемая во взаимодействии со знаково-символической (языковой) реальностью. Культурсоциология направлена на анализ креативного продуцирования разных типов социальной жизни разными цивилизационными типами культурных систем и культурных механизмов поддержания социального порядка в данных общественных системах.

При этом ставятся **задачи** описания:

- 1) субъектного среза функционирования, использования, передачи и изменения конкретных содержаний и смыслов культуры;
- 2) роли и стратегий использования культурных механизмов и технологий (программ) в построении и детерминации своей социокультурной активности различными социальными агентами;
- 3) специфики культурных процессов, происходящих в современных социальных системах;
- 4) проблем, которые возникают при взаимодействии различных социумов и культурных целостностей.

Основной стержень проблематики социологии культуры – анализ полей диалога социальных акторов, в котором возможно достижение взаимопонимания, взаимовосприятия и общения (коммуникации, трансляции и трансмутации) – обмена, передачи и генерирования новых смыслов, согласования ценностно-символических оснований активности, по-разному детерминируемых и определяемых в культурном пространстве социальных агентов.

Разработка данных вопросов позволяет в последующем анализе выходить из этого пограничного пространства в собственно **деятельностный и процессуальный срез** социальной активности, т. е. описывать конкретные типологические системы и ситуации совместной деятельности субъектов для достижения выдвигаемых ими целей: а) на уровнях индивида, группы, общности, института, организации, общества в целом; б) в подсистемах экономической, политической, собственно социальной активности и т. д.; в) в реальных трудовых, учебных, досуговых, рекреационных и других стратегиях жизнедеятельности. Особому анализу должны быть подвергнуты механизмы, технологии, структуры, уровни и формы собственно культурной (репродуктивной и креативной) активности различных социальных агентов, их институционально-организационное и ресурсное обеспечение, возможная и реальная культурная политика общества и его основных подсистем.

Таким образом, можно констатировать (вслед за Л. Г. Иониным [4, с. 260]), что выдвижение культуры на первый план социологического внимания стало свидетельством наступления **новой эпохи для социологии**, в которую культура постепенно становится для социологов главным инструментом объяснения текущих социальных трансформаций, а основные современные социологические концепции являются, по существу, развернутыми версиями социологии культуры (культуросоциологии в нашей терминологии).

Возвращаясь к оценке общего состояния культуросоциологии в современном знании, вряд ли мы можем сегодня рассматривать ее с позиций «сильной программы», как это делает Дж. Александер [5–7]. Его версия, скорее, маркирует (обозначает) определенный тип эпистемологических установок постнеклассического «социологизирования», метатеоретической социологической подходности в видении и анализе культуры, чем являет собой некую дисциплинарную и/или парадигмальную целостность, несмотря на неоднократные попытки ее институционализации как социологической школы и/или особой социологической теории. О ее единстве при исследовании культуры можно говорить лишь в аспекте удержания предельной социологической рамки, задающей в самом общем виде ее предметное (проблемное и тематическое) поле как продуцирование знания о человеке, социально действующем в своей культуре (на основании различного знания о ней), и для человека, социально действующего в своей культуре (выходя в итоге на социогуманитарные технологии такого действия). Внутри же этой рамки культуросоциология может предложить различные версии оформления продуцируемого ею знания – в зависимости от методологических и концептуальных позиций конкретных авторов.

Дисциплинарное оформление культуросоциологии

Из сказанного выше следует, что культуросоциология не может быть сформирована как особая социологическая субдисциплина. Об этом свидетельствуют и относительные неудачи большинства предпринятых в этом отношении усилий в истории социологии, что требует отдельного анализа. Стоит отметить, что почти все более или менее плодотворные попытки засвидетельствовали **вирусность** идей и проектов построения адекватного социологического дискурса о культуре для социологии, так как каждый раз приводили к необходимости пересмотра самих оснований социологического дисциплинарного проекта. Однако одновременно они презентировали собой и возможность принципиально иного переконструирования самого социологического проекта. В этом отношении культуросоциологию можно рассматривать как иную версию, модельную трансдисциплинарную конструкцию для разработки социологической подходности к целостному рассмотрению общества.

Эта подходность хорошо вписывается в систему идеалов постнеклассического знания. Помимо собственно дисциплинарной организованности знания, она включает в себя сопроизводимые ею и адресатами/потребителями продуцируемого знания дискурсивные и коммуникативные практики, выходя тем самым за рамки классических представлений о дисциплинарности. В таком случае сложно говорить о чистоте классического социологического анализа. Речь необходимо вести о принципиальном разрушении демаркационных дисциплинарных границ в современном социальном знании и о попытках **трансдисциплинарного взаимодействия** и поисках нового синтеза социально-научного знания. Иными словами, фокусом дальнейшей

рефлексии становится вопрос о дисциплинарном формате культурсоциологии, исходные требования которого выходят за рамки традиционных представлений о дисциплинарности и требуют проработки новых оснований сочетания знаниевой и организационной плоскостей дисциплинарности в постнеклассических реалиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абушенко В. Л. Социология культуры, культурсоциология // Социология : энциклопедия. Минск, 2003. С. 1022–1027.
2. Петров М. К. Человекоразмерность и мир предметной деятельности // Человек. 2003. № 1. С. 14–15.
3. Тенбрук Ф. Репрезентативная культура // Социол. обозрение. 2013. Т. 12, № 3. С. 93–120.
4. Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 1996.
5. Александер Дж. Аналитические дебаты: понимание относительной автономии культуры // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альм. журн. «Социол. обозрение». СПб., 2008.
6. Александер Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурологии // Социол. обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 11–30.
7. Куракин Д. «Сильная программа» в культурсоциологии: историко-социологические, теоретические и методологические комментарии. Послесловие редактора спецвыпуска // Социол. обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 155–178.

Поступила в редакцию 18.05.2015.

P. S. Перед самой сдачей номера как гром среди ясного неба грянула весть о безвременной кончине Владимира Абушенко. Поверить в это невозможно. Немая сцена... и только возгласы: «Не может быть!» Но, увы, трагедия произошла и Владимира Леонидовича уже не вернуть... Ему шел только 59-й год.

Как ученый В. Л. Абушенко запомнится своей неповторимой, свойственной только ему манерой подачи материала, как преподаватель – добрым и отзывчивым характером. Для коллег он был надежным товарищем и верным другом, любил общение и не жалел на это времени. Общение с ним обогащало собеседника и было неким неформальным университетом... Он стоял у истоков создания нашей кафедры социологии, неповторимо читал свои любимые курсы по теоретической социологии и социологии культуры, много писал для энциклопедий, которые редактировал его друг Александр Грицанов... Работал Владимир Леонидович очень много, его можно было застать в кабинете с раннего утра до позднего вечера. Он пользовался высоким авторитетом у студенчества, хотя и был кому-то не совсем понятен или вовсе недоступен... Но его уважали и боготворили. Он был талантлив и мог удивлять своих коллег и слушателей оригинальными идеями и энциклопедичными познаниями гуманитарных наук.

С его уходом образовалась невосполнимая ниша. Потеряли мы все и каждый в отдельности, потеряли его близкие, друзья, коллеги, студенты, аспиранты... Он не любил обращаться к врачам, много курил, мало двигался и как всегда был под завязку загружен делами. Володя не без оснований считал, что завершит монографию, защитит докторскую диссертацию и сделает еще много полезного в этой жизни, но, увы, не суждено. Смерть настигла его в полете, в самом расцвете творческих сил.

Он давно не печатался в нашем журнале, а тут вдруг принес сразу две статьи. Появились планы на издание с его участием нового учебного пособия, коллективной монографии. Но безвременная смерть перечеркнула все замыслы... Пока живы – помним...

Наши искренние соболезнования родным и близким.

Александр Данилов